

НОВЫЯ КНИГИ.

Ад. Гарнакъ, Критика Новаго Завѣта греческимъ философомъ III-го вѣка. Полемическое сочиненіе, сохранившееся въ Апокритикѣ Макарія магнисійскаго (Ad. Harnack, Kritik des Neuen Testaments von einem griechischen Philosophen des 3. Jahrhunderts [Die im Apocriticus des Macarius Magnes enthaltene Streitschrift]. Texte und Untersuchungen XXXVII, 4). Leipzig, 1911. IV + 150.

НИКИФОРЪ, патриархъ константинопольскій (806—815), во время споровъ по вопросу о почитаніи иконъ, получилъ отъ иконоборцевъ рядъ извлеченій, которыя имѣли такое надписаніе: „Святаго Макарія изъ IV-ой книги Отвѣтовъ“. Патриарху совершенно не извѣстны были ни авторъ, ни его трудъ, полный списокъ котораго ему удалось найти только послѣ долгихъ поисковъ. О своей находкѣ патриархъ Никифоръ сообщаетъ слѣдующее. „Надписывается она такъ: книга Макарія, іерарха по своему достоинству. На это (достоинство) указываетъ не только надписаніе, но и извѣстна на складкахъ этой древнѣйшей книги помѣщенное прекрасное изображеніе этого Макарія даже яснѣе подтверждаетъ это, ибо оно показываетъ его облеченнымъ въ священную одежду. Мы полагаемъ, что этотъ мужъ процвѣталъ спустя болѣе 300 лѣтъ послѣ апостольской и божественной проповѣди. Посвящаетъ же онъ (свою книгу) нѣкому Θεосѣну, одному изъ преданнѣйшихъ своихъ друзей, и какъ исправителю своихъ сочиненій и какъ судьи. Цѣль же произведенія — опроверженіе эллиновъ, въ особенности же оно заключаетъ

въ себѣ возраженія противъ одного изъ нихъ—изъ школы Аристотеля, державшагося мнѣнія предпочитавшихъ единоначаліе (*μοναρχίαν*)¹⁾. Таково первое исторически извѣстное и дошедшее до нашего времени свидѣтельство относительно Апокритики²⁾ Макарія магнисійскаго.

Второе принадлежитъ іезуиту Франциску Турріану (*Turrianus, Torres, Torrens* 1504—1584)³⁾, который въ 11 изъ своихъ сочиненій приводитъ 38 цитатъ изъ Апокритики⁴⁾. Последнюю Турріанъ нашелъ въ ея цѣлостномъ составѣ въ одной изъ рукописей Венеціанской бібліотеки, которая вскорѣ затѣмъ и исчезла безслѣдно. Захарія Скордилій въ своихъ извлеченіяхъ изъ Апокритики Макарія опирался не на самостоятельное знакомство съ даннымъ произведеніемъ, но на сообщенія Турріана⁵⁾. Усилія *Voivin'a* († 1726), ученаго и „хранителя рукописей королевской бібліотеки въ Парижѣ“⁶⁾, Крузія (1697—1751), геттингенскаго профессора богословія⁷⁾, и Питры (1812—1889)⁸⁾ найти полный списокъ Апокритики Макарія не увѣнчались успѣхомъ⁹⁾.

Только въ 1864 году французскому ученому *Blondel'ю* удалось найти кодексъ, содержащій Апокритику. Этотъ кодексъ, составлявшій собственность Апостолидиса, младшаго хранителя Національной бібліотеки въ Аѳинахъ, начинался 7-ой главой II-ой книги Апокритики и заканчивался 30-ой

1) *Pitra, Spicilegium Solesmense. T. I. Pag. 1852. P. 307.*

2) По свидѣтельству древнихъ писателей и рукописнаго преданія, полное надписаніе Апокритики таково: *Ἀποκριτικὸς ἢ Μονογενῆς πρὸς Ἑλληνας*. На русскій языкъ это надписаніе можно перевести слѣдующимъ образомъ: „Отвѣтъ или Единородный (т. е. Христосъ—ср. II, 8; III, 8, 9, 13, 14, 23, 27) Самъ отвѣчающій эдинамъ“.

3) Био-библіографическія свѣдѣнія о немъ см. у *G. Schalkhausser'a* въ его изслѣдованіи: *Zu den Schriften des Makarios von Magnesia. T. und Unt. XXXI, 4. S. 18 ff.* 4) *Ibidem*, 29. 5) *Ibidem*, 95—96.

6) *Ibidem*, 114—115.

7) 115—118. Двѣ диссертациі Крузія, посвященныя Макарію магнисійскому: *Disputatio inauguralis historico-theologica exhibens notitiam et Θεολογούμενα Macarii Magnetis (1737)* и *Dissertatio theologica II de Θεολογούμενοις Macarii Magnetis (1745)*, перепечатаны—первая полностью, вторая съ сокращеніями—у *Migne'я*. См. *Patr., S. gr., t. X, coll. 1343—1376, 1376—1406.*

8) *Венедиктиецъ*, съ 1863 г. кардиналъ и съ 1869 г. бібліотекаръ Ватикана.

9) Каждому изъ нихъ удалось найти въ рукописяхъ различныхъ бібліотекъ только отдѣльные отрывки изъ Апокритики Макарія, равно и его гомилій на книгу Бытія.

главой IV-ой книги. Такимъ образомъ въ немъ не доставало цѣлыхъ двухъ книгъ—первой и пятой, а также 6 главъ второй книги. Blondel тщательно скопировалъ рукопись, подготовилъ ее изданіе и умеръ. Другъ Blondel'я Foucart довелъ его дѣло до конца, и въ 1876 г. появилось первое и единственное пока изданіе Апокритики Макарія ¹⁾. Въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, которыя прошли съ того времени, въ печати появился рядъ изслѣдованій, посвященныхъ цѣликомъ или отчасти Макарію магнсійскому и его Апокритикъ ²⁾. Сочиненіе Ad. Harnack'a: Kritik des Neuen Testaments von einem griechischen Philosophen des 3. Jahrhunderts [Die im Apocriticus des Macarius Magnes enthaltene Streitschrift], принадлежащее перу проникательнѣйшаго критика и лучшаго въ настоящее время знатока древне-христіанской литературы, отчасти подводитъ итоги прежнимъ изслѣдованіямъ, отчасти намѣчаетъ путь для дальнѣйшихъ изысканій.

Содержаніе этого изслѣдованія таково:

I) преданіе сочиненія Макарія (1—6); II) надписаніе, планъ, время и составитель сочиненія (6—17); III) вопросы греческаго философа въ подлинникѣ, по изданію Blondel'я, и въ нѣмецкомъ переводѣ (20—95); IV) доказательство, что вопросы философа—фрагменты изъ полемическаго сочиненія. Планъ полемическаго сочиненія (96—107); V) время написанія и составитель полемическаго сочиненія (10—110);

¹⁾ Μακαρίου Μάγνητος Ἀποκρητικός ἢ Μονογενής, Macarii Magnetis quae supersunt ex inedito codice edidit C. Blondel. Paris 1876. Это изданіе въ настоящее время является единственнымъ свидѣтелемъ относительно текста Апокритика, такъ какъ и аѳинская рукопись, которой воспользовался для своего изданія Blondel, исчезла. Ср. Schalkhauser, 6, 202.

²⁾ Ср. Duchesne, De Macario Magnete et scriptis ejus (Paris. 1877); Geffroy (Revue des deux mondes, 1876, t. 46); Möller (Theol. Lit.-Ztg. 1877, № 19); Zahn, Zu Makarius von Magnesia (Ztschr. f. KG. 1878, S. 450—459); Wagemann (Jahrb. für deutsche Theologie XXIII, 1878); Neumann, Juliani imperatoris librorum contra christianos quae supersunt. Lipsiae 1880; T. W. Grafer, Macarius Magnes, a Neglected Apologist (The Journal of Theological Studies, U. VIII, p. 401—423, 546—571); J. Geffcken, Zwei griechische Apologeten. Leipzig und Berlin 1907; H. Hauschildt, De Porphyrio philosopho Macarii Magnetis apologetae christiani in libris ἀποκρητικῶν auctore (Heidelberg 1907); G. Schalkhauser, Zu den Schriften des Macarios von Magnesia (T. und Unters. XXXI, 4).

На русскомъ языкѣ, насколько намъ извѣстно, о Макаріи магнсійскомъ писалъ только архим., впоследствии епископъ, Арсеній (Ивашенко). См. его статью въ „Хр. Чт.“ 1883, I, 597 — 632: „Макарій, магнсійскій епископъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка, и его сочиненія“.

VI) характеристика отдѣльныхъ вопросовъ и общая (111—137); VII) авторъ полемическаго сочиненія (137—144) ¹⁾.

По вопросу о времени составленія Апокритики А. Нагпак примыкаетъ къ выводамъ раннѣйшихъ изслѣдователей ея. Вмѣстѣ съ Duchesne'омъ, Möller'омъ, Zahn'омъ и другими, онъ полагаетъ, что Апокритика написана во второй половинѣ IV-го вѣка и, вѣроятно, къ концу его. Основанія таковы: а) два мѣста Апокритики: IV, 2 ²⁾ и IV, 5 ³⁾, показываютъ что со времени Христа и Павла до составленія даннаго произведенія прошло 300 и болѣе лѣтъ. б) Церковь не является уже гонимой со стороны язычества, но еще ведетъ съ нимъ литературную борьбу. в) Монашеская и подвижническая жизнь находится въ полномъ расцвѣтѣ. Ср. II, 7. г) Манихейство широко распространилось. Ср. III, 13; IV, 15. д) Тринитарное ученіе Макарія носить не только послѣ-никейскій, но и нео-никейскій характеръ. Ср. II, 8. 9; III, 11. 14; IV, 25.

Вмѣстѣ съ Zahn'омъ и вопреки мнѣнію Duchesne'a и Graefe'a, Нагпак утверждаетъ, что мѣстомъ написанія Апокритики была Малая Азія. Ср. II, 7; III, 38, 43; IV, 15, 17.

Такъ какъ авторъ Апокритики жилъ въ Малой Азіи, былъ облеченъ епископскимъ достоинствомъ, писалъ около 390 г. и носилъ имя Макарія магнисійскаго, то его можно отождествить съ Макаріемъ магнисійскимъ, участвовавшимъ на соборѣ у Дуба, какъ обвинитель Ираклида, епископа ефесскаго, ставленника Іоанна Златоуста (Ср. Фотій, Bibliotheca, cod. 59) ⁴⁾.

¹⁾ По своему построенію это изслѣдованіе Нагпак'a близко подходитъ къ другому его сочиненію, посвященному Діодору тарсскому—Diodor von Tarsus. Vier pseudojustinische Schriften. als Eigenthum Diodors (Texte und Unters. XXI, 4).

²⁾ Blondel, 160: „Очевидная ложь въ словахъ Павла: *мы живущіе* (1 Сол. IV, 14), ибо съ того времени, какъ это сказано, прошло триста лѣтъ, и ничто нигдѣ, ни даже самъ Павелъ съ другими тѣлами не былъ восхищенъ“.

³⁾ Blondel, 163: Можно привести и другое явно сомнительное изреченіе Христа, гдѣ Онъ говоритъ: *берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я Христосъ, и многіихъ прельстятъ* (Мѡ. XXIV, 4—5). И вотъ промчалось триста или больше лѣтъ, и никто нигдѣ не появлялся такой. Развѣ укажете на Аполлонія Тіанскаго, мужа украшавшагося всякой мудростью? Другого не найдете. Но не объ одномъ, а о многіихъ говорить (Христосъ): *встанутъ* (ἐγερθήσονται).

⁴⁾ Хотя на соборѣ у Дуба Макарій магнисійскій выступилъ противъ Ираклида, обвиняемаго въ оригенизмѣ, тѣмъ не менѣе его христология,

Вмѣстѣ со всѣми почти изслѣдователями Апокритики, Нагпакъ признаетъ, что возраженія философа, съ которыми имѣетъ дѣло Макарій, не имѣя самимъ составлены, но взяты изъ полемическаго сочиненія. За это говоритъ прежде всего языкъ. Уже Duchesne писалъ: „Язычникъ говорить легко и плавно, не безъ соли и остроумія. Удивительно насколько отличается отъ этого рода рѣчь Макарія, тяжелая и вычурная, избыливающая повтореніями..... Такая же разница въ стилѣ и, такъ сказать, различный способъ борьбы, повидимому, показываютъ, что самое состязаніе вымышлено и что Макарію не съ присутствующимъ противникомъ состязался, но на досугѣ и во время отдыха и возраженія приводилъ и отвѣты искусно составлять. Если примешь во вниманіе, съ какой силой и какимъ остроуміемъ выдвигаетъ свои недоумѣнія язычникъ, такъ что ничто не убавлено изъ ихъ вѣскости и желчности, то легко согласишься со мной, что его слова прямо изъ книги списаны и выставлены въ только немного измѣненномъ видѣ“¹⁾. Аналогичную мысль читаемъ и у Wagemann'a, который пишетъ: „Во всякомъ случаѣ ясно, что возраженія противъ христіанства со стороны языческаго философа не Макаріемъ составлены, но заимствованы имъ изъ сочиненія языческаго писателя. Объ этомъ свидѣтельствуется все содержаніе и тонъ этихъ нападокъ; за это въ особенности говоритъ рѣшительная разница въ характерѣ языка и рѣчи между вопросами языческаго противника и отвѣтами христіанскаго апологета: язычникъ говорить кратко, рѣзко,

судя по даннымъ Апокритики, носила александрійско-мистическій характеръ; и самъ онъ по своимъ экзегетическимъ приемамъ и догматическимъ возрѣніямъ примыкалъ не къ антиохійской школѣ, какъ это ошибочно утверждаетъ Kihn (Patrologie, B. II, S. 205), но къ правому крылу послѣдователей *τοῦ δεσποῦδος καὶ ἀποπλήχτου Ἰωαννοῦ*. Вотъ одинъ примѣръ экзегетическихъ приемовъ Макарія. Въ небольшомъ подлинномъ фрагментѣ изъ его гомилій на книгу Бытія, который сохранился въ Vat. 2022 f. 236, затрагивается, между прочимъ, вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ кожаными одеждами, которыя Богъ далъ первымъ людямъ послѣ грѣхопаденія. Макарій говоритъ, что понимать мѣсто Св. Писанія, гдѣ рѣчь идетъ о *χιτῶνες δερμάτινοι*, въ буквальный смыслъ не умно, и заявляетъ, что надъ этимъ вопросомъ онъ очень долго думалъ и правильное рѣшеніе его нашелъ только въ словахъ Іова: *Δέρμα καὶ χρέας με ἐνέδυσας, οστέου δὲ καὶ νεύρου με ἐνεύρας*. Подъ *χιτῶνες δερμάτινοι*, по мнѣнію Макарія магнисійскаго, должно разумѣть плотское тѣло, которое окружаетъ насъ. Ср. Sekalkhausser, 138—139.

¹⁾ p. 21.

остроумно; христіанскій апологетъ—пространно, напыщенно, съ риторическимъ паэосомъ, часто съ вымученными повтореніями“¹⁾).

Въ пользу утвержденья, что возраженія философа-язычника взяты изъ книги, а не придуманы Макаріемъ, говоритъ и ихъ въ высшей степени рѣзкій и враждебный тонъ. Нельзя допустить, чтобы христіанинъ самъ на досугѣ придумалъ такого рода возраженія и при изложеніи ихъ усвоилъ бы такого рода тонъ.

Въ пользу этого же тезиса говорятъ и слѣдующіе два факта: а) мѣста изъ В. (10) и Н. (90) Завѣта, на которыя ссылается въ своихъ возраженіяхъ философъ, приведены имъ по кодексу западнаго, а не мало-азійскаго происхожденія; б) возраженія представляютъ собой фрагменты сочиненія, расположеннаго, несомнѣнно, по хорошему плану. Раскрытіе и обоснованіе этихъ двухъ положеній составляетъ заслугу Нагпакъ'а и является результатомъ какъ сильнаго критическаго чутья его, такъ и рѣдкой эрудиціи.

По вопросу о томъ, кто является авторомъ полемическаго сочиненія, изъ котораго Макаріемъ взяты возраженія противъ христіанства, среди изслѣдователей Апокритики до послѣдняго времени царило разногласіе. Möller²⁾ считалъ таковымъ Юліана, Duchesne³⁾ и Grafer⁴⁾—Герокла, Geffroy⁵⁾—ученика Порфирія Салмона, Geffcken⁶⁾—анонимнаго автора, писавшаго въ срединѣ IV-го вѣка и обязаннаго своей полемикой противъ христіанства въ значительной ея части Порфирію; Wagemann⁷⁾ и Neumann⁸⁾—Порфирія. Въ изслѣдованіи Нагпакъ'а эта проблема получила достаточно обоснованное и авторитетное рѣшеніе въ пользу Порфирія⁹⁾.

1) За Порфирія, какъ автора полемическаго сочиненія, изъ котораго Макарій магнисійскій черпалъ свои возраженія противъ христіанства, говоритъ прежде всего время написанія этого сочиненія. Несомнѣнно, что оно написано спустя значительный періодъ времени послѣ Кельса, но въ III, а не IV вѣкѣ. Ср. II, 14: „конечно, ни Богу, ни разум-

¹⁾ S. 285.

²⁾ S. 524 f.

³⁾ 17 sqq.

⁴⁾ p. 413—415.

⁵⁾ p. 819.

⁶⁾ Zwei griechische Apologeten. 1907. S. 301—304.

⁷⁾ 140 ff.

⁸⁾ *Juliani imperatoris librorum contra christianos quae supersunt.* Lipsiae 1880. P. 17 sqq.

⁹⁾ Ср. S. 96—144.

ному человѣку не можетъ быть приятнымъ, что многіе изъ-за него подвергаются самымъ высшимъ (ἀνωτάτω) наказаніямъ“; IV, 4: „безчисленное множество (μόριοι) изъ единомышленныхъ съ ними (Ап. Петромъ и Павломъ) были одни сожжены, другіе, наказанные и опозоренные, умерщвлены“. Такъ писать послѣ Миланскаго эдикта не могли бы. Съ другой стороны, несомнѣнно, что полемическое сочиненіе написано не въ первую, но вторую половину III-го вѣка. „До преслѣдованія Декія ни одинъ язычникъ не могъ бы написать о безчисленномъ множествѣ христіанскихъ мучениковъ“.

II) Въ пользу Порфирія, какъ автора возраженій язычника-философа противъ христіанства, говорятъ многія черты въ характерѣ и міросозерцаніи составителя этихъ возраженій. Съ личностью Порфирія и его ученіемъ прекрасно гармонируетъ 1) религіозная философія автора полемическаго сочиненія, 2) его гуманная настроенность и чувство отвращенія ко всякаго рода насилію, 3) рѣшительная защита имъ вѣчности неба и земли, всемогущества, неизмѣняемости Высочайшаго Существа, 4) благопріятное отношеніе къ іудейскому закону и Ветхому Завѣту. 5) Авторъ полемическаго сочиненія, какъ и Порфирій, грекъ, который или писалъ въ Римѣ, или же долгое время жилъ тамъ, 6) Философъ-язычникъ, подобно Порфирію, пользовался западнымъ текстомъ Св. Писанія. 7) Задача, какую поставилъ для себя авторъ полемическаго сочиненія—суровой критикой Новаго Завѣта подорвать самыя основы существованія Церкви, это—задача Порфирія. 8) Громадная эрудиція, остроуміе и желчность критики—черты, характерныя для Порфирія. 9) Философъ-язычникъ, повидимому, нѣкогда близко стоялъ къ христіанству, а затѣмъ оставилъ его. То же самое утверждаютъ относительно Порфирія Сократъ ¹⁾ и блаж. Августина ²⁾, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности ихъ сообщенія.

Въ одномъ мѣстѣ Апокритики (III, 42) Макарій, возражая своему противнику, ссылается на сочиненіе Порфирія „О философіи оракуловъ“. Этотъ фактъ, который, повидимому, долженъ бы явиться подводнымъ камнемъ для защищаемаго Нагпасск'омъ положенія, легко объяснить,—если предположимъ, что непосредственнымъ источникомъ, откуда Ма-

¹⁾ HE III, 23 Hussey 167.

²⁾ De civitate Dei X, 28 Hoffmann I, 494.

карий черпаль возраженія философа, послужило не само сочиненіе Порфирія, но извлеченія, сдѣланныя изъ него неизвѣстной рукой. Благодаря этому послѣднему допущенію, взглядъ Нагпак'а близко подходитъ къ точкѣ зрѣнія Geffcken'a и отличается отъ нея только въ слѣдующемъ отношеніи. Geffcken полагааль, что полемическое сочиненіе, легшее въ основу Апокритики Макарія, заключало въ себѣ извлеченія изъ сочиненій не только Порфирія, но и другихъ авторовъ; Нагпакъ же утверждаетъ, что только одного Порфирія.

Порфирія нельзя назвать ученымъ и мыслителемъ перваго ранга, но это былъ высокій и сильный умъ, который полагаль основную задачу всякаго философствованія въ *σωτηρία τῆς ψυχῆς*, и ему по праву принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи религіозной философіи. Критическаго изданія фрагментовъ его „15 словъ противъ христіанъ“ еще нѣтъ, и сочиненіе Нагпак'а, можно думать, послужитъ толчкомъ и основой для работъ въ этомъ направленіи. Съ другой стороны, знакомство съ этимъ произведеніемъ виднѣйшаго историка и лучшаго знатока древне-христіанской литературы настойчиво необходимо для изслѣдователя литературной дѣятельности Макарія, равно и тѣхъ догматическихъ и экзегетическихъ направленій, приемовъ критики и апологіи христіанства, какіе существовали во второй половинѣ IV-го вѣка. Можно думать, что оживленіе интереса къ Апокритикѣ Макарія въ западной литературѣ скажется и въ русской и послужитъ толчкомъ къ изученію этого памятника и у насъ ¹⁾.

А. Сагарда.

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что въ рукописныхъ кодексахъ, хранящихся въ русскихъ бібліотекахъ, находятся фрагменты изъ твореній Макарія, до сихъ поръ еще не изданныя. Ср. Владиміръ архим., Систематическое описаніе рукописей московской синодальной (патріаршей) бібліотеки. Ч. I: рукописи греческія. Москва 1894. Стр. 591: № 393 (²¹⁴/_{CCXXV}), „л. 198 об. Ἐκλογαὶ изъ твореній Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Махарίου Μίγνητος (л. 200)“ и т. д.; стр. 629: „на лл. 189—194 (кодекса № 418) часть 3-я, περί μεταλήψεως τῶν θεῶν ποστηρίων. Содержаніе взято: ἐκ τοῦ γερουτικῆς, св. Ефрема, Аввы Исаи, Нила, Златоуста, Исидора, св. Макарія, ἐκ λειμωνάρου, Максима Карпавійскаго, св. Василия, Варсанофія, Махарίου μάγνητος“ (л. 193) и т. д.

Никифоръ Влеммидь, византійскій ученый и церковный дѣятель XIII вѣка.

По поводу изслѣдованія *В. И. Барвинка*: „Никифоръ Влеммидь и его сочиненія“. Кіевъ. 1910 *).

СОЧИНЕНІЕ г. Барвинка представляет трудъ серьезный и важный въ научномъ отношеніи, исполненный съ успѣхомъ.

Прежде всего, сочиненіе идетъ на встрѣчу несомнѣнной научной потребности. Никифоръ Влеммидь, дѣйствительно, представляетъ крупную историческую личность, ознаменовавшую себя разнообразными и очень важными заслугами въ исторіи Греко-восточной Церкви XIII вѣка, а равно въ судьбѣ Никейской имперіи. Ознакомленіе съ его жизнью и дѣятельностью проливаетъ свѣтъ на многія стороны въ историческомъ прошломъ византизма. Уніональная проблема, внутренній бытъ монашества, школьное дѣло, богословская наука и вообще духовное просвѣщеніе, положеніе Никейской имперіи и задачи дѣятельности свѣтскаго правительства—все это находитъ то или иное освѣщеніе въ изслѣдованіи о дѣятельности Никифора Влеммида и является предметомъ интереснымъ и важнымъ въ сферѣ задачъ византологіи.

Затѣмъ, сочиненіе г. Барвинка представляетъ трудъ самостоятельный. Не смотря на крупное историческое значеніе дѣятельности Никифора Влеммида, этотъ разносторонній представитель византизма еще не служилъ предметомъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія ни въ иностранной, ни въ русской литературѣ. Все, что существовало по этому вопросу въ византологической литературѣ, касалось лишь нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Влеммида, имѣло случайное и косвенное къ нему отношеніе и вообще являлось недостаточнымъ по различнымъ основаніямъ. Работа г. Барвинка представляетъ первый научный опытъ изслѣдованія о дѣятельности Влеммида, какъ практической, такъ и литературной, исполненный на основаніи самостоятельнаго изученія сочиненій Влеммида и относящейся къ вопросу литературы — русской и иностранной.

*; Окончаніе. См. ноябрь.

Въ заслугу г. Барвинку слѣдуетъ поставить и тщательное изученіе источниковъ вопроса. Эти источники представляютъ, особенно для начинающаго ученаго, большія трудности въ зависимости отъ языка и требуютъ серьезныхъ филологическихъ познаній. Но г. Барвинокъ съ достаточнымъ успѣхомъ преодолѣлъ затрудненія, съ усердіемъ изучилъ сочиненія Никифора Влеммида и другіе источники вопроса и далъ въ своемъ сочиненіи хорошій анализъ ихъ содержанія. Съ успѣхомъ авторъ изучилъ и литературу пособій—иностранных¹⁾ и русскихъ, критически оцѣнилъ ихъ научное значеніе и воспользовался въ своемъ трудѣ лишь тѣми отдѣльными сужденіями и выводами своихъ предшественниковъ по работѣ, которые оправдываются свидѣтельствомъ источниковъ.

Г. Барвинокъ не только изучилъ печатную литературу вопроса, но отчасти привлекаетъ въ научный оборотъ и рукописное преданіе. Это—весьма важно и свидѣтельствуетъ о пониманіи авторомъ задачъ византологической науки, которая требуетъ отъ каждаго изслѣдователя научныхъ проблемъ изъ исторіи Византіи обязательнаго обращенія къ рукописному преданію, еще недостаточно изслѣдованному и весьма богатому по своему содержанію. Правда, г. Барвинокъ въ приложеніи къ своему сочиненію напечаталъ только гимнъ и молитву Влеммида, заимствованные имъ изъ бібліотекъ Московской Синодальной и Аеонскаго Пантелеимонова монастыря, но для цѣлей своего изслѣдованія авторъ просмотрѣлъ нѣсколько и другихъ рукописей греческихъ и славянскихъ, а равно ознакомился съ описаніями греческихъ рукописей разныхъ книгохранилищъ, указалъ тѣ манускрипты, въ которыхъ находятся еще неизданные труды Влеммида, и составилъ довольно полный списокъ послѣднихъ. Выполненіе этой задачи стоило автору большого труда и, несомнѣнно, является дѣломъ полезнымъ и важнымъ.

Сочиненіе г. Барвинка написано по плану правильному и языкомъ — за немногими исключеніями — литературнымъ. Его сужденія и выводы подтверждаются свидѣтельствомъ источниковъ и по своему существу являются—въ большинствѣ—основательными. Въ частности, немалаго труда автору

---

¹⁾ Впрочемъ, автору остался неизвѣстнымъ очень хорошій и полезный для него трудъ: *Jean Pappadopoulos, Théodore II Lascaris empereur de Nicée. Paris 1908.*

стоило изложить ученіе Никифора Влеммида объ исхожденіи Св. Духа, — хотя не все въ этомъ изложеніи отличается отчетливостью, ясностью и послѣдовательностью. Но глава о литургическихъ сочиненіяхъ Влеммида, снабженная разысканіями на основаніи рукописнаго матеріала, даетъ нѣсколько новыхъ данныхъ изъ области литургической науки.

Несвободно сочиненіе г. Барвинка и отъ другихъ недостатковъ.

Закончивъ изложеніе біографіи Никифора Влеммида, г. Барвинокъ во вступленіи ко второму отдѣлу пишетъ: „Въ то время какъ свѣдѣній о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Н. Влеммида сохранилось *очень мало*, свѣдѣній о внутренней жизни его духа и его ученой дѣятельности сохранилось довольно много“ (стр. 85). Съ первымъ утвержденіемъ автора никакъ нельзя согласиться. Напротивъ, о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Никифора Влеммида сохранилось *очень много* свѣдѣній. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Двѣ автобіографіи Влеммида содержатъ весьма цѣнный и разносторонній матеріалъ о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Влеммида, какъ это призналъ и г. Барвинокъ въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія (стр. XXII, 224--229). Въ такомъ же достоинствѣ нужно признать и переписку Никифора Влеммида, какъ это опять отмѣчается и нашимъ авторомъ (стр. 335, 342),—и отчасти—свидѣтельства историковъ эпохи—Георгія Акрополита, Никифора Григоры и Георгія Пахимера (стр. XXII). Эти и другіе источники вопроса содержатъ *очень много* важныхъ и разностороннихъ данныхъ о жизни и дѣятельности Никифора Влеммида, на основаніи которыхъ вполне возможно воссоздать внѣшнія обстоятельства, историческую обстановку, окружающую среду этого выдающагося церковно-общественнаго дѣятеля. Если же г. Барвинокъ встрѣтилъ затрудненія въ исполненіи своей задачи, то это обуславливалось вполне понятнымъ положеніемъ его, какъ молодого ученаго. Дѣйствительно, въ его сочиненіи наблюдается недостаточность какъ историческаго элемента въ разъясненіи и освѣщеніи нѣкоторыхъ подробностей вопроса, такъ и критическаго отношенія къ научному матеріалу.

Въ частности, сообщая на стр. 4 и 5 объ изученіи Никифоромъ грамматики, піитики и риторики, авторъ не разъяснилъ, какую именно постановку имѣли эти предметы въ

византійскихъ школахъ, каковъ былъ ихъ общій курсъ и по какимъ византійскимъ руководствамъ они изучались. Раскрыть эти вопросы было тѣмъ болѣе умѣстно, что авторъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія (стр. 60) относить „словесныя науки—піитику и риторику“ къ составу даже философіи и къ „кругу высшаго образованія“: интересно было бы знать, гдѣ же въ этомъ отношеніи была грань между начальнымъ образованіемъ, о которомъ авторъ и говоритъ на стр. 4 и 5, среднимъ и высшимъ. Эскурсъ автора въ область школьнаго обученія въ Византіи былъ бы полезнымъ и важнымъ и отчасти освѣтилъ бы тѣ обстоятельства, при которыхъ прошли года начальнаго обученія знаменитаго Влеммида, а равно и вообще раскрылъ бы еще недостаточно въ наукѣ изслѣдованный вопросъ о начальномъ, среднемъ и высшемъ образованіи въ Византіи. Но г. Барвинокъ не далъ надлежащаго отвѣта на отмѣченный запросъ.

Затѣмъ, сообщая, что Влеммидъ изучалъ въ Смирнѣ логику, „подъ руководствомъ Дмитрія Карика, учителя съ весьма почетнымъ титуломъ „ипата философовъ—ὀπάτου τῶν φιλοσόφων“ (стр. 5, и 100), г. Барвинокъ опять оставляетъ безъ разъясненія этотъ „почетный титулъ“,—между тѣмъ какъ путемъ историческихъ иллюстрацій и аналогій (Михаилъ Пселль, Іоаннъ Италъ)... авторъ могъ бы сообщить этому титулу реальное содержаніе.

Характеризуя на стр. 10 никейскихъ клириковъ, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „нѣкоторые изъ нихъ открыто нарушали церковныя каноны“, и при этомъ ссылается на книгу † проф. А. П. Лебедева—„Историческіе очерки состоянія византійско-восточной церкви съ конца XI до половины XV вѣка“ (М. 1902), стр. 79, 84, 93—94. Но провѣрка этой ссылки автора не даетъ основанія къ представленному сужденію, такъ какъ на указанныхъ страницахъ книги проф. А. П. Лебедева нѣтъ рѣчи именно о „никейскихъ“ клирикахъ, да къ тому же находящіяся здѣсь данныя односторонни.

На стр. 15 авторъ говоритъ, что „Влеммидъ былъ назначенъ замѣстителемъ епископа въ Нимфѣй“. Здѣсь слѣдовало бы разъяснить, какой имѣло смыслъ имѣло это „замѣстительство“... Текстъ автобіографіи Влеммида („Διήγησις μερικὴ“ А' 19 4—8) говоритъ именно въ пользу архіерейской епитропіи.

На стр. 13—14 авторъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ опредѣлить хронологию нѣкоторыхъ событій изъ жизни Влем-

мида, а именно—на какіе годы падаетъ архіерейская епитропія Влеммида въ Нимфеѣ, когда онъ отправился на о. Лесбосъ и въ какомъ приблизительно году поселился на горѣ Латрѣ близъ Милета... Въ автобіографіи Влеммида имѣются данныя, дающія возможность болѣе или менѣе точно датировать эти событія, — что въ специальной монографіи о Влеммидѣ было бы вполне уместно.

Напрасно также авторъ не далъ (стр. 18) подробнаго изложенія письма никейскаго патріарха Германа II, отправленнаго въ 1233 году римскому папѣ Григорію IX, и отвѣтнаго посланія папы: эти документы въ своихъ деталяхъ очень характерны для уясненія греческой и латинской точекъ зрѣнія на уніональную проблему, въ разрѣшеніи которой Влеммидъ принималъ очень большое участіе.

Ничего авторъ не говоритъ о мѣстоположеніи и значеніи въ исторіи византійскаго монашества горы Иды, на которой временно подвизался и Влеммидъ (стр. 29),—хотя объ этомъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія (напр. *Genesisius, Regum lib. IV, 82* и. Вонпае).

Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что г. Барвинокъ говоритъ на стр. 36 о никейскомъ патріархѣ Мееодіи II (1240 г.), который называется здѣсь „малограмотнымъ“. Авторъ ссылается на свидѣтельство историка Георгія Акрополита. Но, во первыхъ, изъ сообщенія Акрополита о патріархѣ Мееодіи („*ἀνὴρ αὐτῶν μὲν εἰδέναι πολλὰ, ὀλίγων δὲ ἔδρις ὦν*“) ¹⁾ вовсе не вытекаетъ, что послѣдній былъ „малограмотнымъ“, во вторыхъ, нашему автору слѣдовало бы критически отнестись къ свидѣтельству Акрополита, такъ какъ объективность этого историка во многихъ случаяхъ сомнительна (какъ это признаетъ и г. Барвинокъ—стр. 53), особенно тогда, когда рѣчь идетъ о наукѣ и просвѣщеніи: Акрополитъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о собственномъ образованіи... Затѣмъ, Влеммидъ въ своей автобіографіи (р. 39) не даетъ основанія къ столь рѣзкому сужденію о патріархѣ Мееодіи. А извѣстный ученый Крумбахеръ относитъ Мееодію къ числу представителей византійской полемической литературы XIII вѣка ²⁾. Патріархъ написалъ полемическій трактатъ „Противъ опрѣсно-

¹⁾ К. *Krumbacher*, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, S. 93. München 1897.

²⁾ Архим. *Владиміръ*. Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной бібліотеки, ч. I, стр. 313, 814. М. 1894.

ковъ“, который еще не изданъ и находится въ рукописи № 239 Московской Синодальной библиотеки ¹⁾). Едва-ли „малограмотный“ патриархъ былъ способенъ къ тонкому анализу трудной богословско-полемиической проблемы. Да и положеніе Мееодія до патриаршества, состоявшаго игуменомъ столличнаго монастыря Такинеа (въ Никеѣ), исключаетъ мысль о его „малограмотности“.

Неясныя свѣдѣнія г. Барвинокъ сообщаетъ о школѣ Никифора Влеммида въ монастырѣ Бога Сущаго въ Имаѳіяхъ (стр. 58 и д.). Изъ разъясненій автора не видно, къ какому типу—примѣняясь къ современной терминологіи—принадлежала эта школа,—была ли она начальной, или средней школой. Авторъ склоненъ считать ее даже высшей школой (стр. 60), но данныхъ для этого нѣтъ. Въ византійскую эпоху существовала только одна высшая школа—Академія въ Константинополѣ, историческую судьбу которой можно прослѣдить съ половины IX вѣка вплоть до паденія Византіи. Въ никейскую эпоху нѣкоторое подобіе высшей школы представляла школа Влеммида въ монастырѣ св. Григорія Чудотворца, гдѣ у него обучались Георгій Акрополитъ и Θεодоръ Ласкарисъ. Но школа въ Имаѳіяхъ были средняго типа. Это видно изъ наукъ, которыя здѣсь преподавались и которыя относились къ традиціонной группѣ *trivium*'а и *quadrivium*'а, изучавшихся именно въ среднихъ школахъ Византіи. Затѣмъ, мѣстоположеніе школы—въ изолированномъ монастырѣ, въ гористой и трудно проходимой мѣстности, при суровой монастырской обстановкѣ, говоритъ въ пользу того, что она была *монастырской*—въ тѣсномъ смыслѣ слова—школой, въ которой обучались члены монастырскаго братства (срав. девятую главу „Устава“ Влеммида, стр. 211—212). Поэтому „исторія и не передала намъ ни одного имени болѣе или менѣе извѣстнаго историческаго дѣятеля, вышедшаго изъ монастырской школы Влеммида въ Имаѳіяхъ“ (стр. 61),—какъ заявляетъ г. Барвинокъ, а съ другой стороны, въ силу узкаго назначенія школы въ Имаѳіяхъ, въ нее не могъ проникнуть и Григорій Кипрскій (стр. 59), который въ 1259 году нуждался именно въ среднемъ образованіи, котораго онъ не могъ приобрести въ латинскихъ школахъ Кипра. Неточность въ характеристикѣ назначенія школы въ Имаѳіяхъ произошла

¹⁾ *Georgius Acropolites, Historia, 71* ²⁵—26. Ed. Heisenberg. Lipsiae 1903.

отъ того, что г. Барвинокъ безъ достаточнаго основанія приписалъ ей нѣкоторыя особенности школы Влеммида въ монастырѣ св. Григорія Чудотворца. Но онѣ не были тождественными по устройству: школа въ монастырѣ св. Григорія была выше школы въ Имаѳіяхъ.

Характеризуя личность Никифора Влеммида (стр. 71 и д.), авторъ, между прочимъ, совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что Влеммидъ былъ сторонникомъ византійскаго принципа акривіи (*ἡ ἀκρίβεια*) каноновъ и принадлежалъ къ той исторической партіи, которая строго руководилась въ жизни и дѣятельности этимъ „спасательнымъ“ принципомъ и оказала Церкви большія услуги въ защитѣ ея самостоятельности, въ охраненіи православія, въ огражденіи нравственности въ народѣ. Еслибы г. Барвинокъ сталъ оцѣнивать дѣятельность Влеммида съ точки зрѣнія этого принципа, то многое въ „характеристикѣ личности“ Влеммида получило бы бѣольшую опредѣленность и законченность, напримѣръ, фактъ столкновенія съ Фриггою, отношеніе его къ патріаршеству, суровое исполненіе аскетическихъ предписаній и т. д. Въ частности, съ точки зрѣнія отмѣченнаго принципа было бы интересно уяснить то духовное „созерцаніе—θεωρίαν“, которому Никифоръ часто предавался (стр. 76): въ чемъ состояла сущность этого „созерцанія“, въ какомъ отношеніи оно находилось къ византійской „исихіи—ἡσυχία“ и какъ вообще нужно оцѣнивать аскетическое міровоззрѣніе Влеммида въ связи съ мистикой Симеона Новаго Богослова, аскетикой св. Григорія Синаита, исихіей св. Григорія Паламы. Но идейная сторона нравственно-аскетическаго міросозерцанія Влеммида вообще мало раскрыта въ изслѣдованіи г. Барвинка, хотя матеріаль для такой задачи дается и нравственно-аскетическими сочиненіями Влеммида. Правда, задача эта нелегка, но она могла бы содѣйствовать разъясненію одного изъ принципиальныхъ вопросовъ церковной византологіи, касающагося нравственно-аскетическихъ идеаловъ византійско-восточнаго монашества въ средневѣковую эпоху. Въ частности, Никифоръ Влеммидъ былъ не только церковнымъ дѣятелемъ и ученымъ богословомъ-теоретикомъ и философомъ, но и идеологомъ строго-опредѣленнаго нравственно-аскетическаго міровоззрѣнія; послѣднее сложилось у него на основѣ обширной и разносторонней начитанности, главнымъ образомъ, въ святоотеческой литературѣ и подъ воздѣйствіемъ современныхъ аскетовъ и

мистиковъ, труды которыхъ Влеммидъ также изучилъ, особенно во время научнаго путешествія по Македоніи и Аѳону, и съ подвигами которыхъ онъ также ознакомился во время неоднократныхъ своихъ странствованій по византійскимъ монастырямъ. Вообще, уяснить особенности нравственно-аскетическаго міровоззрѣнія Никифора Влеммида, который былъ „идеаломъ восточныхъ монаховъ“ (стр. 77), и поставить это міровоззрѣчіе въ идейную связь съ воззрѣніями на аскисисъ и созерцаніе и другихъ представителей средневѣковаго византійскаго монашества было бы весьма важно. И въ сочиненіи г. Барвинка отчасти намѣчены нѣкоторыя частности для выполненія этой существенной задачи (стр. 71—84, 172—180), которая, однако, въ цѣломъ своемъ объемѣ является лишь дѣломъ будущаго.

Въ обзорѣ сочиненій Влеммида свѣтскаго характера г. Барвинокъ большое вниманіе удѣлилъ политическому трактату „Βασιλικὸς Ἀνδριάς“ и не только подробно изложилъ его содержаніе, но и сравнилъ этотъ трактатъ съ „Политикой“ Платона, съ сочиненіемъ Синесія Киренскаго „О царствѣ“ и даже съ трудомъ Макиавелли „Государь“. Такое сопоставленіе трактата Влеммида съ аналогичными трудами, конечно, имѣетъ свое значеніе, но для прямой задачи автора было бы естественнѣе и ближе искать аналогію въ византійской литературѣ средневѣковой эпохи. И еслибы авторъ направилъ свои поиски въ эту сторону, то, несомнѣнно, встрѣтилъ бы очень интересный матеріалъ, который далъ бы возможность уяснить генезисъ политическихъ воззрѣній Влеммида и оцѣнить его идеалъ царственнаго лица. Вѣдь по вопросу о царѣ и царствѣ византійская литература очень богата и содержитъ характерныя совпаденія съ ученіемъ Влеммида о томъ же предметѣ. Достаточно назвать „Эпанагогу“ императора Василія Македонянина, гдѣ имѣется спеціальнѣйшій титулъ о царѣ, залегшій въ основу всего византійскаго правового міровоззрѣнія, какъ это видно, въ частности, изъ „Синтагмы“ Маттея Властара, составленной въ 1335 году, но имѣвшей практическое значеніе и послѣ паденія Византійской имперіи. Затѣмъ, два „Увѣщанія“ императора Василія Македонянина, „Придворный Уставъ“ Константина Порфиророднаго, „Стратигикъ“ Кекавмена, историческій трудъ Михаила Атталиата, грамоты нѣкоторыхъ византійскихъ патріарховъ (Антонія IV и др.)—вотъ источники, изъ которыхъ г. Барвинокъ могъ бы

заимствовать свѣдѣнія для уясненія воззрѣній византійцевъ на царя и которые могли бы представить не мало матеріала для аналогій съ трактатомъ Влеммида о томъ-же предметѣ. Но у г. Барвинка нѣтъ и признаковъ для выполненія этой задачи, а его разысканія направляются по другому пути.

Вообще, главнымъ недостаткомъ сочиненія г. Барвинка нужно признать ограниченное раскрытіе историческаго элемента въ отношеніи генесиса событій, характеристики лицъ, общественной среды и фактической обстановки въ ихъ дѣятельности.

А затѣмъ, неожиданное сужденіе высказывается г. Барвинкомъ вообще о письмахъ византійскихъ дѣятелей—церковныхъ и политическихъ, которыя будто бы „не могутъ служить источникомъ первостепенной важности для исторіи Византіи и вообще мало пригодны“ (стр. 340). Такое сужденіе не только не оправдывается въ отношеніи переписки Влеммида, которую г. Барвинокъ признаетъ съ значеніемъ историческаго источника (стр. 342), но и противорѣчитъ авторитетной оцѣнкѣ византійскаго эпистолярнаго матеріала со стороны осторожнаго и предусмотрительнаго критика, покойнаго профессора К. Крумбахера, который въ своей „Geschichte der byzantinischen Litteratur“ отмѣтилъ важное историческое значеніе писемъ многихъ византійскихъ писателей, каковы: патріархъ Фотій, патріархъ Николай Мистикъ, архіепископъ болгарскій Теофилактъ, митрополиты Евстаеій Θεσσαλονικскій и Михаилъ Аѳинскій и т. д. Да и вообще историкъ Византіи, въ частности Византійской церкви, обязанъ съ большимъ вниманіемъ изучать корреспонденцію тѣхъ или иныхъ дѣятелей, въ которой можно находить весьма важныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ. Правда, г. Барвинокъ въ своемъ сужденіи ссылается на А. И. Пападопуло-Керамевса („Византійскій Временникъ“, 1899 г., стр. 549), но отзывъ этого ученаго касается лишь писемъ Θεодора Ласкариса, изданныхъ Николаемъ Феста, о которыхъ, однако, въ научной литературѣ былъ высказанъ и другой взглядъ, болѣе благопріятный для царственнаго автора и, по нашему мнѣнію, болѣе правильный, но оставшійся неизвѣстнымъ г. Барвинку ¹⁾.

Кромѣ того, г. Барвинку слѣдовало бы въ своей научной

¹⁾ *Jean Pappadopoulos, Théodore II Lascaris empereur de Nicée, p. 162—166. Paris 1908.*

работѣ пользоваться оригинальнымъ текстомъ византійскихъ историковъ, а не русскимъ переводомъ ихъ трудовъ (стр. X, XII и др.), который, конечно, не можетъ замѣнить подлинника, да и не всѣмъ читателямъ доступенъ.

Авторъ дважды въ сочиненіи (стр. 68 и 211) пишетъ— „Галасійскій монастырь“, тогда какъ монастырь именовался *Галисийскимъ*, по имени горы *Γαλήσιον* (ὄρος). Ошибка вошла и въ указатель (стр. 11). Невѣрно также авторъ пишетъ— „Георгій Галезіотъ“ (стр. 232), такъ какъ рѣчь идетъ о „Галисіотѣ“ (*Γαλισιώτης*), въ связи съ названіемъ горы *Γαλήσιον*.

Рукопись Московской Синодальной библиотеки, изъ которой г. Барвинокъ заимствовалъ гимнъ Влеммида, имѣетъ № 305, а не 325, какъ указано на стр. XXI (ср. стр. 11 приложения).

Наконецъ, несвободенъ отъ ошибокъ напечатанный авторомъ греческій текстъ гимна и молитвы Никифора Влеммида. Въмѣсто *τὴν νοήτην* (III 5) слѣдуетъ читать *τὴν νοητήν*, въмѣсто *θεατῆς* (III 6)—*θεατήης*, въмѣсто *εἰδῶς* (III 7)—*εἰδώς*, а также—*ὕπερ πλεθεῖς* въмѣсто *ὕπερ πλεθεῖς* (IV 1), *πόθω* въмѣсто *πόθω* (IV 3) и пр.

Но отмѣченные недостатки въ сочиненіи г. Барвинка не умаляютъ научнаго его значенія. Сочиненіе г. Барвинка представляетъ первый въ европейской литературѣ серьезный и успѣшный научный опытъ изслѣдованія о Никифорѣ Влеммидѣ, составлено съ любовью и съ большою затратою силъ и труда и, несомнѣнно, является очень полезнымъ и важнымъ приобрѣтеніемъ церковно-византологической литературы.

И. Соколовъ.

30 ноября 1912 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Георгій*.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи

Николай Сагаринъ.